

Кондратий Биркин

Филипп II, король испанский

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Кондратий Биркин
Филипп II, король испанский
Серия «Временщики и фаворитки»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174178
Временщики и фаворитки: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25843-7

Аннотация

«К разочарованию в жизни и совершенному отчаянию человек может прийти двумя диаметрально противоположными путями: или благодаря неизменному счастью, или, напротив, вследствие постоянных неудач и обманутых надежд... Точно то же, что и в организме человека, который от голода умирает с теми же самыми симптомами воспаления желудка, с которыми он умирает от его переполнения. Крайности сходятся...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Кондратий Петрович Биркин Филипп II, король испанский

Кардинал Гранвелла. – Елизавета Валуа. – Фердинанд Альварец де Толledo, герцог Альба (1556–1598)

К разочарованию в жизни и совершенному отчаянию человек может прийти двумя диаметрально противоположными путями: или благодаря неизменному счастью, или, напротив, вследствие постоянных неудач и обманутых надежд... Точно то же, что и в организме человека, который от голода умирает с теми же самыми симптомами воспаления желудка, с которыми он умирает от его переполнения. Крайности сходятся.

Говорят, человек не может жить без надежды; от колыбели до гробовой доски она ведет нас по жизненному пути, ободряя нас и придавая нам силы обаятельности своими миражами и, буквально, воздушными замками. Без этой путеводительницы человек падает духом, жизнь теряет для него малейшую привлекательность, и он как величайшего блаженства жаждет смерти. Таких несчастливцев вообще немного, потому что чаще всего под влиянием безотрад-

ной тоски они добровольно лишают себя жизни, бывшей для них рядом обманутых надежд, досадных неудач и жестоких ошибок в людях. Представим себе теперь человека, с первой минуты появления своего на свет щедро осыпанного всеми благами, которыми только может судьба одарить смертного: знатностью, богатством, удачливостью и т. д. За что бы подобный счастливец ни взялся, ему успех во всем; чего бы он ни пожелал – все исполняется как по мановению волшебного жезла; пожелай он, кажется, невозможного – и для него сама природа изменит свои законы. Доходит этот счастливец, наконец, до того, что ему уже и желать нечего, а следовательно, и надеяться не на что; тогда надоедают ему почести, слава, богатство; тогда он завидует последнему нищему и в полном сознании великой их истины повторяет слова: «Все суета суетствий и всяческая суета!»

Таково было душевное состояние обладателя высочайшей монархии в мире императора Карла V лет за пять до его кончины. На высоте величия, обремененный лаврами, несметными сокровищами, в виду народов, раболепно коленопреклоненных перед ним, Карл осознал нищету благ земных, ничтожество величия, тленность богатств и решился остаток дней своих посвятить Богу. По мнению некоторых историков, Карл V, наследовав от матери¹ наклонность к сум-

¹ Он был сыном эрцгерцога австрийского Филиппа Красивого и Хуаны Безумной.

сшествию, помешался под старость лет на неотразимой идее религиозной мании. Легко может быть, что наследственный органический недостаток имел влияние на странный переворот в характере Карла, но причиною этого переворота был во всяком случае апогей могущества, которого достиг великий император. Не довольствуясь своим погребением заживо в убогой келье монастыря св. Юста, Карл, как известно, в один прекрасный день приказал совершить над собою обряд погребальный и, лежа в гробу, слушал пение *Regium* и *De profundis*. Последние два года жизни он провел в чтении душеспасительных книг, в беседах с монахами и в занятиях механикою. По целым дням развенчанный император просиживал над разборкою и сборкою колес и пружин часов, которыми были увешаны стены его кельи. Он ломал себе голову над разрешением неразрешенной задачи: заставить несколько часовых механизмов ходить не отставая, не убегая вперед друг от друга; но, разумеется, никак не мог добиться этого явления, возможного только в наше время с помощью гальванической силы. Карл, сравнивая свои стенные часы с людьми, решил, что между первыми так же невозможно одинаковая верность хода, как равенство между последними. Сравнение бесспорно остроумное, но полупомешанный монах св. Юста мог бы еще лучше уподобить громадную свою империю сложному механическому аппарату, им в течение многих лет строенному; аппарату, которому Карл служил главной боевой пружиной. Слагая с головы своей венцы

империи и королевств, Карл как будто на части разобрал сложенную им машину. В 1554 году он уступил сыну своему Филиппу II королевства Неаполитанское и Сицилийское; 23 октября следующего года отдал ему во власть Нидерландские штаты; наконец, 17 января 1556 года отрекся в его пользу от престолов Испании, Австрии, обеих Индий и от всех своих владений во всех четырех частях света. В сентябре 1558 года он скончался, оставив по себе неизгладимую память на скрижалях истории.

Наследник Карла V, сын его от Елизаветы Португальской, Филипп II родился в Вальядолиде 21 мая 1527 года. Имея от роду более тридцати лет, при восшествии своем на престол король задался великою мыслию, чтобы царствование его было продолжением царствования отцовского. Жаль только, что Филипп II упустил при этом из виду, что австроиспанская держава, по непреложному закону судеб, достигла в развитии своем тех пределов, за которыми для каждого громадного и могучего государства уже начинается разрушение. В библейском сказании о столпотворении вавилонском таится глубокий символический смысл: вавилонскому столпу можно уподобить каждое царство земли, которое возрастает, расширяется, усиливается, но и разрушается в ту самую минуту, когда, по-видимому, дорастает чуть не до небес. Ту же мысль, что Испания в могуществе своем достигла крайнего предела, мог выказать Филиппу II герб его королевства – Геркулесовы столбы и знаменательный девиз: «Non plus

ultra» (Не далее). Но собственную волю новый король ставил выше законов здравого смысла.

Приступая к характеристике этой знаменитой исторической личности, мы не можем не заимствовать нескольких строк у бессмертного Шиллера, изучавшего характер испанского деспота с двойкой точки зрения: поэта и историка. Трудно решить, насколько Шиллер был правдив как историк в своей трагедии «Дон-Карлос», насколько он был поэт при очертании характера Филиппа II в своей «Истории отпадения Соединенных нидерландских штатов», но как бы то ни было, и в трагедии, и в истории Шиллера Филипп II является лицом живым; от каждого его слова веет тем леденящим ужасом, который овладевал теми, которые имели несчастье видеть и слышать этого сына Карла V, и мы твердо убеждены, что Филипп II был именно таким, каким его изобразил Шиллер. Вот что он говорит об испанском Тиверии.²

² Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der Spanischen Regierung. Munchen, Stuttgart. Verlag der I. G. Gottdschen Buchhandlung. 1830 in 4, p. 801–802.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.